

Андрей Львович Ливадный

Мятежный Процион

Аннотация

*Здесь, на Проционе, свершилось
немыслимое — творцы поменялись
местами со своими созданиями.
Носители искусственного интеллекта,
используя технологию, созданную
сгинувшими в лучине времён
селенитами, воссоздали... людей.
Лишённые памяти о прошлом,
которого у них, в общем-то, и не было,
они превратились в подопытный
материал для андроидов. Лучшие из
поколения созданных, Ян Ковальский и
Мари Лерман, смертельно рискуя,
пытаются найти ответ на вечные
вопросы: кто мы? откуда появились?
ради чего существуем? Неожиданную
поддержку им оказывает смертельный*

*враг, полковник Нагаев — сверхмашина
и сверхчеловек в одном теле...*

Пролог

Стоял хмурый, пасмурный день. Тёплый ветер нёс терпкие запахи леса, смешанные с флюидами далёких вулканических извержений.

Здесь никогда не наступала зима, часто лили тёплые дожди, небо вечно укрывала пелена серых, гонимых ветром облаков, да и смена времён года была заметна лишь благодаря деревьям, кустам и травам, увядавшим по непонятной для столь ровного климата причине и вновь, спустя пару недель, выпускавшим свежие побеги, клейкую листву...

Природа тут соседствовала с искусственными сооружениями, да и большинство посадок, будь то лес или

поля, несли явный отпечаток изначальной продуманности, некоей глобальной планировки ландшафтов.

...По нескольким просекам, рассекая лесной массив на симметричные участки, протянулись серые, приподнятые на мощных опорах ленты скоростных автомагистралей.

Вдали, за похожей на распустившийся лист клевера дорожной развязкой, виднелись смутные очертания высотных зданий города.

При ближайшем рассмотрении природа, окружающая приподнятые над землёй автобаны, выглядела вполне заурядно: тихо шумели кронами сосны, молодой ельник граничил с разросшимися на просеках кустарниковыми зарослями, настораживала лишь тишина, в которой не было слышно пения птиц, стрёкота

насекомых, хруста сломанной ветки или деловитого жужжания шмеля, вьющегося над соцветьями травянистых растений, словно из обычных, присущих лесу звуков остался лишь монотонный шелест древесных крон.

Подобная тишина кажется зловещей, неестественной, чего-то ждущей: так обычно затихает природа перед грозой, но хмурые облака не предвещали ни ливня, ни ураганного ветра — они лениво клубились над автострадами, изредка роняя морось мелкого, нудного дождя.

Сами магистрали также казались запустелыми, поблекшими: не работали лазерные указатели направлений, на съездах в районе развязки, где плавные спуски перетекали в обыкновенные просёлочные дороги, не было видно свежих следов протекторов, да и

просеки изрядно заросли кустарником.

Время как будто застыло.

Даже точка, видневшаяся у горизонта на фоне укутанных дымкой городских окраин, вела себя, будто насекомое, попавшее в густой сироп...

На самом деле мощный, элегантный автомобиль двигался со скоростью двухсот километров в час, просто расстояние от дорожной развязки до города было слишком велико...

За рулём машины сидел молодой человек в лёгкой одежде спортивного покроя. Тонированные стекла машины едва позволяли рассмотреть черты его лица, напряжённые, словно водитель прилагал немалые усилия, чтобы удерживать машину на идеально ровном дорожном полотне.

Внезапно, словно материализовавшись из окружающего город туманного марева, на дороге

возникла ещё одна точка.

Скорость второй машины значительно превосходила отметку двухсот километров в час.

Она неслась по автобану, поднимая вслед за собой вихрящийся мусор в виде прошлогодней листвы, мелких веточек, занесённых сюда ветром, да редких, непонятно откуда взявшихся пожелтевших обрывков бумаги...

...На приборной панели первой машины злобно вспыхнул предупреждающий сигнал.

Водитель отреагировал на предупреждение системы лазерных дальномеров с неестественным для его напряжённого облика спокойствием: коснувшись сенсора, он отключил световую индикацию и, передав управление системе автопилота, включил датчики заднего обзора, задав цифровым камерам, расположенным на

уровне бампера, максимальное
увеличение и разрешающую
способность.

На экране, вмонтированном в
приборную панель, тут же появилось
изображение: несущийся следом
автомобиль явно обладал
форсированным двигателем и
управлялся без посредства автопилота,
который не допустил бы вождения на
подобных скоростях.

Он понял — отрываться бесполезно.
Его машина явно уступала в
скоростных характеристиках
неумолимо приближающемуся
флайкару.

«Принять бой? — промелькнула
мысль, и тут же на смену ей пришла
другая, несущая оттенок безнадежной
горечи: — Разве что кулаками?..»

Впереди появились строения
блокпоста. Автопилот машины, следуя

внутренним инструкциям, начал плавное торможение.

Проверка документов.

Этого не избежать. Мощные заграждения не растолкаешь бампером, их убирают только после тщательной проверки, посредством двух временно установленных (и оставшихся навсегда, как всё временное) подъёмных кранов, уже наполовину вросших в почву по обе стороны магистрали.

Нужно расслабить мышцы лица. Об этом приходилось думать: естественная, непринуждённая мимика ещё не успела войти в разряд бессознательно совершаемых действий.

Документы в порядке. Нет причин для беспокойства.

Тёмно-вишнёвый спортивный «Ягуар» плавно завершил торможение, остановившись перед многотонным бетонным блоком, на котором

флюоресцировала надпись: «Граница запретной зоны».

Рядом мерцал недвусмысленный знак, обозначающий высшую степень биологической опасности.

Дежуривший на блокпосту офицер выглядел абсолютно спокойным. Молча взглянув в салон через приспущенное ветровое стекло, он не произнёс приветствия и не задал вопроса, лишь требовательно протянул руку, принимая удостоверение личности, затем приложил пластиковый прямоугольник к укреплённому на запястье сканеру.

«Энтони Дрейк» — буквы на крошечном дисплее зловеще сменили цвет с изумрудного на алый.

— Ваш допуск аннулирован, — сухо произнёс офицер, явно не собираясь возвращать удостоверение.

Дрейк всё же протянул руку.

— Удостоверение. — Его голос прозвучал требовательно, властно, хотя в мыслях Энтони продолжал испытывать горечь.

Он знал, что документы в таких случаях не возвращают. Тогда на что он надеялся, протягивая руку?

Офицер замешкался ровно на секунду. Он никак не мог определить: кто перед ним? Работе сканера мешал компонент краски и тонировки стёкол автомобиля, явно использованный в маскирующих целях. Голова, плечо и рука водителя выдавали на внутренний дисплей чёткий тепловой контур, нехарактерный для...

Тонкая, длинная игла раздвинула кожу на указательном пальце Энтони Дрейка.

Молниеносный удар в область грудной клетки полностью парализовал офицера — нет, его ноги не

подкосились, он остался стоять, но уже не мог шевельнуться, потянуться к оружию, хуже того: иглообразный шунт, пробивший грудной кожух и изоляционное покрытие, вошёл в механический контакт с ядром системы, перехватив управление сервомоторами и передатчиком.

Офицер медленно вытянул обе руки, одновременно повернув голову.

Передатчик, скомпонованный в височной области покрытого пеноплотью металлопластикового черепа, уже посылал инструкции примитивным исполнительным механизмам, которые тут же начали поднимать многотонные блоки, а правая рука вернула водителю документы.

Дрейк забрал удостоверение, затем принял от андроида табельное оружие и только тогда выдернул шунт,

напоследок передав в систему офицера недвусмысленное целеуказание:

*Преступники во второй машине.
Останови их.*

«Ягуар» с пробуксовкой рванулся вперёд, в образовавшийся зазор между плитами, едва не ободрав краску о бетонные заграждения.

Офицер пошатнулся.

Вместо того чтобы опустить заграждение, он сделал несколько шагов, остановившись на разделительной полосе, и требовательно поднял руку, пытаясь этим жестом призвать к порядку не снизивший скорости флайкар.

Удар смял его, отшвырнул в сторону, туловище переломилось, рука, пытавшаяся ухватиться за какую-либо опору, лишь чиркнула пальцами о бетонное покрытие дороги, содрав пеноплоть; из-под оголившихся

сервоприводов брызнули искры, человекоподобную машину по инерции проволокло ещё с десятков метров и оставило лежать в нелепой позе у основания закругляющихся кверху, облицованных слоем пенорезины отбойников...

События развивались стремительно.

Две машины углублялись в запретную зону, по обе стороны автострады монотонно шумел лес, накрапывал мелкий дождь, отчего за «Ягуаром» вихрился туманный след водяной пыли...

Дрейк понимал — ему не уйти.

Город уже исчез вдали, его заслонили туманные испарения, исходившие от тёплой и влажной земли.

Флайкар приближался стремительно и неумолимо, словно злой рок следовал

по пятам Дрейка, изгоняя всякую надежду на спасение.

А собственно, для чего он пытался бежать? Чтобы снова стать изгоем, блуждать в наступивших сумерках собственного сознания, понимая, что был лишь одним из актёров драмы, а не её режиссёром, как то думалось поначалу.

Некоторые откровения, к сожалению, приходят слишком поздно.

Зрителей не устраивал счастливый финал, жестокий спектакль для избранных, под названием «жизнь», должен продолжаться... а он...

Энтони горько усмехнулся.

Он даже толком не научился владеть своей мимикой.

Желая лучшей жизни для людей, пытаясь загладить невольные ошибки прошлого, Дрейк не смог вовремя понять главного, и вот наступил

закономерный итог — его убрали со сцены, не дав ни единого шанса на вмешательство в работу отлаженной системы...

Был ли смысл сопротивляться неизбежности?

Энтони боролся, сколько себя помнил. Почему сейчас он должен опустить руки? Потому что вновь остался один, познал смысловое значение понятия «предательство»?

...Впереди показалась знакомая дорожная развязка.

Он был вынужден снизить скорость, чтобы вписаться в крутой поворот, ведущий к съезду на просёлочную дорогу, уходящую в глухой лес.

Только бы проскочить. Там они его не возьмут.

Странное чувство — надежда. Оно то угасает, то вспыхивает вновь, с неистовой силой подчиняя все

остальные чувства.

На повороте машину всё же занесло, «Ягуар» ударился бортом об отбойник, на секунду застыл, потеряв скорость, и в этот миг флайкар преследователей вылетел на дорожную развязку, виртуозно развернулся, гася скорость, и из глубины салона через открывшиеся двери по машине Дрейка хлестнули тугие автоматные очереди.

Энтони опоздал на какие-то мгновенья. От удара отключились системы бортовой навигации, на панели приборов крошечный экран показывал критические повреждения подвески, но он мог... мог, но не успел увести покалеченную машину за плавный изгиб спуска.

Пули с глухим звоном прошибали металл, блеклый свет полудня, ворвавшийся сквозь десятки пробоев, тут же высветил струйки дыма,

просочившегося из простреленной приборной панели, — тонкие лучики света наполнили салон, обозначая углы вхождения пуль, — зловещая красота разрушения, отпечатавшаяся в последнем проблеске сознания.

Энтони даже не пытался встать.

Он видел, как текут сизые завитки дыма, замысловато переплетаясь в тонких лучиках света, и понимал, что переживает последние мгновенья своего долгого, трудного существования.

За всё на свете приходится платить. И за совершённые ошибки, причинившие зло, и, как ни странно, за попытку делать добро.

Собственно, теперь он понимал, его уничтожили именно за добрые намерения.

Мысли начали путаться, мир терял краски.

Протяжно скрипнула деформированная дверь «Ягуара».

Чьи-то руки грубо вырвали его из кресла.

— Нейромодули, — кратко напомнил пришедший издалека голос.

В грудь упёрся ствол автомата.

— Не уничтожить. Извлечь.

Ствол переместился. Несколько точно произведённых выстрелов пробили плоть, сорвав замки грудного кожуха.

— Не снимается. Мешает имплантированная кожа.

— Ну, так режь! В первый раз, что ли?

Ни один из участников разыгравшейся драмы не видел, как на мизансцене событий появился невольный свидетель.

Впрочем, человек, облачённый в

полную боевую экипировку, предохраняющую от воздействия опасных биологических форм не хуже специального костюма, вовсе не считал, что принимает участие в *спектакле*, а уж тем более не смог бы остаться *зрителем*.

В запретной зоне вообще редко встретишь человека, и никто никогда не забредал сюда *случайно*.

Зрение и сканирующие системы боевого шлема фиксировали, как четверо «блюстителей порядка» — в мыслях проскользнула злая ирония — догнали и изрешетили спортивный «Ягуар», а теперь явно глумились над мёртвым телом его водителя.

Тепловые контуры, вычерченные датчиками термальной оптики, явно соответствовали людям.

Впрочем, таких подонков людьми можно назвать лишь с большой

натяжкой на биологическое строение.

В ответ промелькнувшей мысли ствол автоматического оружия, снабжённого электронно-оптическим прицелом, совершил плавное движение, и вдруг...

Четыре одиночных выстрела, произведённые с интервалом в доли секунды, слились в короткую сухую очередь.

— Проклятье!..

Невольное восклицание, приглушённое дымчатым проекционным забралом боевого шлема, отразило крайнюю степень удивления и досады, когда четверо садистов, орудовавших над мёртвым телом, лишь пошатнулись от удара пуль, пробивших их головы.

Они не являлись людьми!..

Отчего же тогда лгут сканеры?

Снайпер резко сместил прицел, но

поймать уязвимое место сервомеханизма , замаскированного оболочкой из живой плоти, не успел: реакция на выстрелы со стороны мнимых людей была одинаково стремительной и грамотной: бросив своё занятие, они метнулись назад, к оставленному посреди дорожной развязки флайкару.

В тишине громко хлопнули четыре дверцы, и машина резко рванулась с места.

Произведённый вслед выстрел только высек искры из глянцевого корпуса бронированного автомобиля.

Снайпер, занимавший позицию на прочной раздвоенной ветви сосны, проводил взглядом стремительно удалявшийся флайкар, подумав, что следует купить подобную машину.

Через несколько минут человек

вышел на опустевшую дорожную развязку.

Его лицо скрывал боевой шлем.

Остановившись подле тела, распростёртого на забрызганном кровью бетоне, снайпер попытался определить, жив ли несчастный.

Нет.

С такими ранениями не живут.

Голова незнакомца едва держалась на лоскуте кровоточащей кожи — пули перебили шейные позвонки.

Рука усталым движением сняла шлем, освобождая из-под него каскад рассыпавшихся по плечам волос.

Снайпером оказалась женщина лет тридцати.

В этот момент Энтони открыл глаза.

В тумане плавало лицо. Красивые, слегка заострённые черты, пронзительный взгляд... Он уже где-то видел её.

Неужели на свете всё-таки есть эта непонятная, не поддающаяся никакому счислению сила, имя которой Судьба?

Он вспомнил это лицо. Лицо молодой, насмерть перепуганной девушки, которую он едва не застрелил несколько лет назад.

Вряд ли она узнает меня...

Но добьёт — точно.

Последняя мысль. Окончательная...

Он уже не видел, как женщина склонилась над ним, осмотрела вспоротую грудь, затем точным движением извлекла из-под напитанной кровью одежды и разрезанной плоти деформированный пулями металлопластиковый кожух, под которым обнажилось ядро системы.

Тонкие прозрачные трубки, подающие кровь к нейромодулям, были разорваны пулями.

Она на секунду задумалась, а затем,

прошептав что-то невнятное, достала из специального клапана экипировки пару зажимов и мягкий резервуар полевой капельницы, наполненный консервированной кровью.

Энтони ошибся в своей последней мысли.

Она, конечно, не узнала его, но почему-то решила не добить, а спасти.

Часть I Мари

Глава 1

Запретная зона. Настоящее...

Тонкая нить тревоги. Она резко натянулась, порвалась в сознании, заставив Мари мгновенно проснуться.

Мягкий сумрак спальни, освещённый

тусклым светом ночника...

На самодельной панели охранной системы, вмонтированной в стену напротив кровати, взмаргивал алый точечный индикатор.

Вокруг царила глубокая тишина. Такая, от которой в ушах появляется навязчивый фантомный звон.

Медленно выдохнув, Мари уняла глухие удары сердца и медленно, не нарушая звенящей тишины, сомкнула пальцы на прорезиненной рукоятке автоматического пистолета.

Кто? — вопрошал рассудок.

ИскИн? ¹

Не похоже... Кибернетические механизмы оснащались достаточным количеством сканеров, большинство из них давно не считали себя бытовыми андроидами, а борьба за выживание в «запретной зоне» научила их

¹ ИскИн — Искусственный Интеллект (жаргонное).

безошибочно определять элементы «растяжек», будь то простая проволока, либо ёмкостный датчик, или инфракрасный, незримый для человека луч лазера.

Тишина продолжала звенеть.

Человек?

Слишком уж он тих и осторожен. Или затаился, обнаружив допущенную оплошность?

Палец Мари снял оружие с предохранителя.

Первый патрон в стволе.

Правило, привычка, оставшаяся ещё с войны. Оружие всегда должно быть под рукой и готово к бою. Иначе — смерть.

Не двигаясь, она посмотрела на компьютерный терминал.

Пять часов утра.

Она легла в три — накануне, вернувшись из запретной зоны (такое

название получила местность, где несколько лет назад удалось остановить вторжение ИскИнов, носителей искусственного интеллекта), Мари сначала разбирала находки, затем ради собственной же безопасности упаковывала их в специальные контейнеры.

Маленький злобный огонёк на охранной панели погас.

Может быть, крыса или бродячий кот?

Не тешиь себя надеждами... — в душе Мари понимала: глупо цепляться за призрачную соломинку, которая не принесёт спасения. Рядом находился кто-то чужой. На мелких животных установленные ловушки попросту не реагировали.

Медленно, стараясь не нарушать тишины, она выбралась из-под одеяла, ступила босыми ногами на холодный

пол, сделала шаг в тень, в сторону второго выхода из спальни, который вёл в подвальную часть старого дома.

Более всего на свете она не выносила убивать людей, но зачастую ситуация не оставляла ей иного выбора...

На улице хмурились предрассветные сумерки.

День, как обычно, обещал быть жарким, но сейчас над заброшенными постройками одной из покинутых агротехнических ферм сгущался туман, на пожелтевшей траве, пучками пробивавшейся в стыках бетонных плит, дрожали капельки росы.

Вокруг царил смешанный пейзаж: вездесущая растительность практически поглотила заброшенное поселение, побеги лианоподобных растений, цепко карабкавшиеся по стенам, идеально маскировали

покинутый посёлок от обнаружения с земли и воздуха — попасть сюда было возможно, лишь обладая точным знанием местности...

Ян Ковальский помнил расположение всех агротехнических ферм ещё с довоенной поры. Он был одним из немногих, кому удалось выжить, столкнувшись с сонмищем ИскИнов, вторгшихся со стороны вулканической пустыни.

Сколько же ещё вот таких заброшенных, потаённых уголков, навек сохранивших следы той короткой драмы, хранят молчаливые леса «запретки»? — подумалось ему.

Ковальский осмотрелся. Да, несомненно, здесь разыгрался один из страшных эпизодов внезапного противостояния. Взгляд то и дело цеплялся за свидетельства былого: многие дома стояли без крыш,

большинство окон щерились огрызками стеклопластика, на стенах виднелось множество выщербин от попаданий пуль и осколков, бетонные плиты дороги просели, кое-где на них темнели круговые подпалины от взрывов, их не сумели стереть дожди и обошла стороной растительность, милостиво прикрывшая зеленью основные разрушения посёлка.

Лишь несколько строений (в том числе и дом, окружённый бойцами в тёмной камуфлированной униформе) выглядели годными для жилья.

Командир отряда заставил себя прогнать воспоминания и начал жестами указывать бойцам позиции для штурма.

Лицо Яна скрывал боевой шлем с опущенным пуленепробиваемым забралом, и подчинённые не могли видеть, как серые пятна смертельной

бледности проступили на щеках командира, прежде чем он дал резкую отмашку, означающую готовность к штурму.

Ему было тяжело. Душа ныла под гнётом воспоминаний, и в эти минуты Ковальский впервые за последние годы пожалел, что остался в отряде специального назначения по окончании тех чудовищных событий.

Хотя, после всего пережитого, были ли у него иной путь?

Он оглянулся, понимая, что сознательно оттягивает время. Взгляд упал на два приземистых армейских вездехода, перегораживавших участок улицы, исключая возможность бегства с использованием транспортных средств.

Лицо командира за прочным дымчатым пластиком исказила гримаса боли. Он находился на грани. На грани

неисполнения приказа, ибо узы крови, связавшие всех людей, оказавших неистовое сопротивление внезапно обрушившейся беде, на поверку оказались сильнее любой субординации...

Казалось, ещё секунда промедления, внутренних сомнений, усиленных внезапно нахлынувшими среди руин воспоминаниями, и долг службы окончательно будет подавлен эмоциями.

Ян стиснул зубы, отводя взгляд от вездеходов.

Его отряд из двадцати бойцов полностью окружил строение, медлить дальше было бессмысленно, и Ковальский решительно направился к входу, уже не глядя по сторонам, как минуту назад.

Он никогда не верил в чудеса и понимал: сейчас всё кончится быстро,

почти бесшумно... и тогда ему придётся взглянуть в очередное *мёртвое* лицо, которое вдруг окажется *знакомым* .

Ковальский знал: рано или поздно подобное случится. Кто попало в «запретку» не ходит, для этого необходимы мужество и подготовка. Тихий пустынный лес только кажется безобидным, на самом деле он таит множество смертельных опасностей.

Каждый раз, отправляясь на очередную операцию, он молил об одном — только бы нарушителем не оказался кто-то из ребят, уцелевших в аду двухдневных боестолкновений с пришлыми ИскИнами.

Почему сегодня его гложет не просто дурное предчувствие, а ощущение беды?..

Он резко и нарочито громко открыл дверь; всколыхнувшееся внутри

отчаяние оказалось столь внезапно и велико, что он на миг подумал: *пусть первая пуля достанется мне, оборвёт этот затянувшийся кошмар ...*

Мари не видела творящегося на улице, но жизнь в постоянной опасности и напряжении научила её не строить иллюзий и всегда морально готовить себя к худшему, чтобы лучшее могло стать приятным сюрпризом.

Она была инфицирована, поставлена вне общества, и отчётливо понимала, что надеяться в этом мире можно только на себя. У неё, конечно, оставались знакомые, но никого из них она не могла назвать другом. Все, кто был ей дорог, оказались по ту сторону незримой черты после того, как сама она «пропала без вести» в бою с ИскИнами.

Ни один человек на свете не знал, что она жива.

Снаружи резко скрипнула дверь.

Мари специально не смазывала их механизм, чтобы ни один случайный посетитель не смог застать её врасплох.

От входа через холл до спальни тридцать пять шагов.

Первая установленная внутри дома ловушка сработала спустя три или четыре секунды после протяжного скрипа двери.

Взрывное устройство направленного действия было снабжено зарядом малой мощности, без поражающих элементов, и рассчитано на создание ударной волны, которая вышвырнет незваного визитёра через дверь.

Устраивая ловушку, Мари исходила из гуманных (с её точки зрения) и чисто практических соображений. Если её потревожили случайно, то человек

второй раз не сунется в дом — отлежится после лёгкой контузии и поспешит убраться прочь.

Ну а если к ней пожаловали настоящие проблемы, то первый заряд остановит нападающих, собьёт их с темпа, даруя ей немного драгоценного времени.

Так оно и случилось. Второй взрыв (уже не такой безобидный, как первый) грянул спустя секунд пятнадцать-двадцать, когда она, успев схватить одежду, экипировку и оружие, уже спускалась по наклонному тоннелю в недра древнего бункера, выстроенного (по её мнению) первыми поселенцами.

Её путь вёл через подземные коммуникации к общественному паркингу с просевшей под давлением земли кровлей. Там, среди ржавеющих остовов старых машин, стоял её

новенький «Акцепт» — внедорожник с форсированной ходовой частью, усиленной подвеской и бронированным кузовом.

Внешне неброская машина, каких полно на многоуровневых городских магистралях, на самом деле прошла серьёзную модернизацию, исполненную «под заказ», и уже не однажды выручала Мари из смертельно опасных ситуаций.

Она нырнула во влажный, пахнущий застарелой сыростью тоннель, на бегу застёгивая бронежилет и ремни экипировки.

Пробежав метров пятьдесят, она остановилась и прислушалась.

Узкое пространство наклонного коридора отчётливо передавало эхо торопливых, ритмичных шагов.

Слух и интуиция редко подводили

Мари.

Вслед за ней по тоннелю спускались два андроида — бывшие ИскИны, с перепрограммированными заново базовыми блоками.

Таких «ребят» содержала на своём балансе колониальная администрация, а значит, ею занялись всерьёз.

Дистанция до преследователей резко сокращалась, и Мари, не колеблясь, вскинула оружие, произведя четыре одиночных выстрела.

ИскИнов она убивала без колебаний, если к этим человеческим подобиям вообще применим термин «смерть».

Темнота тоннеля не являлась помехой — боевой шлем, оснащённый системами тепловидения и детекторами движения, позволял ей ясно различать противника, и, как следствие, все четыре пули попали в цель: две пробили грудные кожухи дроидов, за

которыми прятались основные компьютерные блоки сервомашин, а два последующих выстрела являлись уже контрольными, произведёнными скорее по привычке, чем в силу необходимости.

Просто она не любила, когда за её спиной внезапно вставал поверженный было враг.

В устье тоннеля вновь слышались шаги, и Мари побежала, теперь уже не оборачиваясь на звук, зная, что успеет, тем более что преследователи, судя по всему, не догадывались, куда она направляется.

* * *

Ян Ковальский поднялся на ноги, отряхивая с экипировки дорожную пыль.

Взрыв, которым его вышвырнуло

назад, за двери, не причинил капитану особого вреда. Пара синяков не в счёт. А вот андроидам, ринувшимся на штурм, досталось, что называется, по «полной программе»: второй заряд, установленный в глубине гостиной, оказался намного мощнее — вкупе с ударной волной атакующие сервомеханизмы получили шквал калёных шариков от подшипников, использованных в качестве поражающего элемента.

Дым толчками выбивало в дверной проём, покосившаяся пластиковая рама сначала оплыла от температуры, а затем по её деформированной поверхности побежали язычки ядовито-зелёного пламени.

Где-то в глубинах строения, вероятно, на уровне подвала, глухо прозвучали четыре одиночных выстрела.

Кто-то из наших...

Теперь Ян не сомневался — целью акции был человек, имевший непосредственное отношение к событиям десятилетней давности. Кто ещё мог действовать так жёстко и расчётливо? Их, прошедших тропами недолгой, но ожесточённой схватки с ИскИнами, осталось не так и много — десятка два.

Ян наклонился, подобрал горячий шарик, покатал его на ладони.

Да, попав в ад внезапных боестолкновений, потеряв за двое суток сотни бойцов, они все дошли до определённой грани, за которой наступило внезапное моральное перерождение. В считанные часы оставшиеся в живых молодые ребята учились действовать с такой же бескомпромиссной жестокой расчётливостью, как и их противник, не

считаясь с разрушениями, не оглядываясь на последствия, — в ход шли любые подручные средства, а в больном, измотанном рассудке теплилась лишь одна мысль: любой ценой остаться в живых...

Выбросив шарик, Ковальский вошёл в дымящийся дверной проём.

От помещения остались лишь посечённые осколками, наспигованные металлом стены. Вся мебель превратилась в щепу, дымящимся ковром устилавшую пол. Человек, установивший двойной заряд, знал не только истинную цену жизни (иначе зачем устанавливать предупреждающую «хлопушку?»), но и умел бороться с сервомеханизмами.

Ковальский грубо оттолкнул почерневший эндоостов андроида и прошёл в следующее помещение.

Спальня.

Кровать со смятой, тлеющей постелью, туалетный столик, с которого взрывной волной смело на пол косметические средства, разбившееся зеркало...

Вне сомнений, до сегодняшнего утра здесь жила женщина.

Дурнота, как всегда, накатила внезапно. Следствие давней контузии проявляло себя особенно остро в критические моменты, когда разум вдруг начинал выпадать из реальности. В последнее время приступы почти прекратились, и вот тебе на...

Ковальский стоял, глядя на посечённый осколками туалетный столик, и имя, давно и безвозвратно потерянное, вдруг всплыло из глубин памяти ясным, беспощадным образом.

Мари... Нет... Этого не могло быть. Она погибла. Там, у ворот проклятой энергостанции.

Нет, Ян, шепнул предательский голосок. Она пропала без вести. Её тело не нашли среди павших. Имя каталось в мыслях, превращая заурядную акцию в болезненный, изматывающий душу абсурд.

Внезапно его чувства нашли выход.

Он уже давно не строил иллюзий по поводу своей «работы».

Ты убийца, капитан. Убийца в законе.

Проклятье. Его лёгким не хватало воздуха, хотя дым от тлеющей постели и мебели тут был ни при чём. В колониальной администрации знали, что целью сегодняшней акции будет кто-то из выживших, но не захотевших или не сумевших вернуться к нормальной жизни. Куда им было податься? Только сюда, в «запретку».

Здесь сгорели их души. А эти сволочи из колониальной

администрации думали списать всё на Судьбу, которая, спустя много лет, по роковому совпадению сведёт их вместе? Как врагов?

Справедливо ли это?..

В глубине подземных коммуникаций вновь глухо прозвучали одиночные выстрелы, в ответ резко ударила автоматная очередь.

Ян вышел на улицу, поднял забрало боевого шлема и сплюнул на запорошенные пылью бетонные плиты старой дороги.

— Доложить обстановку, — обронил он в коммуникатор.

— Цель потеряна, сэр, — раздался в ответ ровный, не несущий эмоций голос.

Ковальский усмехнулся. Куда уж им, с усечённым программным обеспечением, угнаться за человеком, выстоявшим в боях против *настоящих*

ИскИнов.

Он на секунду задумался. Образ Мари, так ярко вспыхнувший в памяти, поблек, будто выцветший снимок... Нет, это не она... Ян отчётливо помнил, как Мари падала, подкошенная автоматной очередью.

И всё же тоска уже не отпускала сердце. Любые доводы сейчас звучали неубедительно. Ян устал. Он не мог больше делать грязную работу, а потом, в промежутках между заданиями, угрюмо топить свою совесть в алкогольном дурмане.

Женщина... Может быть, кто-то из бывших жителей агроферм? Они ведь тоже пытались оказать сопротивление...

Наверняка где-то на окраине древнего посёлка у неё спрятана машина. Мысль, ища спасения от воспоминаний, вернулась к реальности

дня сегодняшнего.

Пара зондов, выпущенных над поселением, несмотря на туман и дым от разгорающегося пожара, быстро вычисляют место стоянки.

— Всем отходить! — в разрез собственным мыслям приказал он. — Место сбора у вездеходов.

Он не хотел доводить акцию до логического завершения и прекрасно осознавал это.

Пусть городское начальство катится со своими приказами куда подальше. Да, он долгое время без колебаний обезвреживал тех, кто своими вылазками в запретную зону нёс прямую угрозу родному городу. Но это длилось уже не первый месяц и даже не год, его уставшая, иззябшая в одиночестве душа, попадая в «запретку», каждый раз ощущала горячее дыхание прошлого, и рассудок,

стимулированный воспоминаниями, начинал оценивать реальность совсем не так, как преподносила её официальная «доктрина безопасности».

Ян, конечно, не сомневался, что вылазки в запретную зону для большинства нарушителей имели в своих истоках исключительно корыстный характер. Но, если уж разбираться по большому счёту, то он, «охотник за головами», которому власти предоставили официальную лицензию на уничтожение нарушающих законы лиц, должен был начинать чистку не с тех, кто, рискуя своей жизнью, за гроши совершает вылазки на места прежних боёв, а с заказчиков, использующих добытые ими комплектующие и блоки памяти, содержащие бесценную технологическую информацию, в целях личного обогащения.

За истёкшие после нашествия ИскИнов годы город начал бурно разрастаться, в нём появились богатые и бедные кварталы, на окраинах выросли такие производства, о создании которых раньше даже и не мечталось. Спрашивается, в чём причина столь резких перемен? Конечно, часть информации и технологий могла быть считана с блоков долгосрочной памяти попавших «в плен» ИскИнов, но в период боёв на останки сервомеханизмов обращали мало внимания, а затем, после появления странной инородной растительности, зону вообще закрыли, так что большинство информационных носителей попало в руки нынешних «отцов города» много позже, и они не спешили делиться полученным знанием, напротив, резко поднявшись вверх по лестнице социального

благополучия, диктовали остальным условия существования...

...Пока Ян размышлял над развитием послевоенной ситуации, из недр горящего здания появились семь андроидов.

Семь из двадцати.

Учитывая баснословную стоимость сервомеханизмов, которых пока что не удавалось поставить на производственный поток, его, как командира группы, ожидали серьёзные неприятности, но Ковальский сейчас смотрел на ближайшие перспективы через призму внезапно и болезненно очнувшейся души.

В следующий раз будут думать, прежде чем устраивать охоту на людей, которые своей кровью спасли их...

— По машинам! — отдал он короткий приказ. — Возвращаемся в

город.

* * *

Мари испытала откровенное недоумение, когда увидела, как два военных вездехода выползли на окраину посёлка, достигли дорожной развязки и взяли направление на город.

Почему они прекратили преследование?

Она облокотилась о руль «Акцепта», наблюдая за удаляющимися точками в сканирующую оптику, связанную с бортовым компьютером машины.

Излучение сканеров без труда проникало сквозь броневую защиту, высвечивая тепловые контуры пассажиров.

Семь сервомеханизмов и один человек.

Она машинально проверила запись,

которую вёл компьютер «Акцепта».

Никаких сигналов дальней связи зафиксировано не было, значит, решение о прекращении операции не пришло из города, его принял человек, а именно — командир боевой группы.

Кто он?

Мари, конечно, не могла знать поимённо всех «охотников», которые контролировали запретную зону, отслеживая и уничтожая тех, кто регулярно проникал на заражённые территории, но она была отлично осведомлена о способах их действий и о той патологической ненависти, которую испытывали «охотники за головами» к своим жертвам.

Что-то не складывалось в её сознании. Существовала неувязка, которую следовало выяснить. Вряд ли потери среди сервомеханизмов могли остановить командира группы.

Машины, в конце концов, можно восстановить, благо стараниями «чёрных археологов» запасных частей в городе хватало с избытком. Нет, причина явно крылась в чём-то ином.

Единственное, что могла сделать Мари в данный момент, — это запеленговать личный маркер человека и записать его шифр.

Её план, спонтанно возникший в эти мгновения, был прост: вечером она побывает в городе и, пользуясь поисковыми системами, определит его местонахождение. Если повезёт, то она сможет поговорить с ним, не раскрывая своего инкогнито. Мари не сомневалась: после полученной во время штурма «встряски» и выволочки от начальства за откровенно проваленную операцию он непременно заглянет в какой-нибудь бар.

Ею двигало не столько любопытство,

сколь насущная необходимость в информации. Яростный штурм, да и само количество механических бойцов, посланных на её уничтожение, говорили о серьёзности намерений власть предержащих разделаться с нею тем или иным способом. Этому должно быть разумное объяснение, учитывая, что она не работала ни на одного из городских дельцов, да и вообще жила сама по себе, редко покидая пределы запретной зоны. Её интересы никак не пересекались с бурно развивающимся в последние годы бизнесом, и тем более непонятно выглядела попытка её уничтожения и внезапное, ничем не обоснованное отступление отряда, который хоть и потерял половину бойцов, но всё же мог выполнить поставленную задачу.

Такое количество вопросов и откровенных неувязок оправдывало

рискованную вылазку в город. В конце концов, она давно собиралась побывать там — нужно было обменять часть накопившегося «товара», чтобы пополнить запасы продовольствия и боеприпасов.

Заглушив двигатель «Акцепта» и погрузившись в собственные мысли, она долго провожала взглядом тёмные точки вездеходов, пока те совсем не исчезли из вида.

Наступало утро.

Солнце уже поднялось над линией горизонта, пробиваясь ярким пятном сквозь пелену облачности, осенний воздух был тёплым и особенно прозрачным, лёгкий ветерок гнал по старым бетонным плитам дорожного покрытия шуршащую, пожухлую листву...

Вот так и моя жизнь... — внезапно подумалось Мари. — Однажды она

*пожухла, скорчилась и больше уже,
наверно, никогда не зазеленеет свежим
побегом...*

От подобных мыслей на душе стало
горько.